

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка

*

Ханская дочь

*

Его тайная страсть

*

Та, что приходит незваной

*

Огненный Марс

*

Русалочье счастье

*

Люблю, убью, умру

*

С надеждой на взаимность

*

Девушка-стихия

*

Интриганка

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

С НАДЕЖДой
НА
ВЗАИМНОСТЬ

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 73

Оформление серии *С. Власова*

Ранее роман выходил под названием «Милая, хорошая»

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т 73 С надеждой на взаимность : роман / Татьяна Тренина. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Дочери Евы. Романы Т. Трениной).

ISBN 978-5-699-74432-9

Сердце пианистки Алены было разбито. Почему мужчины так поступают с ней? Первый возлюбленный отказался от нее в угоду своей маме, муж ушел к лучшей подруге... Алена жила как во сне, пообещав себе больше не заводить романов. Однако, по иронии судьбы, однажды на пороге ее квартиры оказался мужчина по имени... Роман. Он когда-то жил здесь — и накануне Нового года решил навестить старый дом. Роман с Романом принес женщине радость и счастье — о таком легком, светлом и любящем мужчине можно было только мечтать! Но... оказывается, он — настоящая Синяя Борода. Год назад его жена покончила с собой. И, по сведениям доброжелательницы, именно супруг довел ее до этого. Неужели Алену ждет та же участь?..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тренина Т., 2008
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-74432-9

Декабрьские ранние сумерки только начинались, медленно окрашивая снег оттенками лилового и фиолетового. Было начало четвертого, но в этот час в парке стояла абсолютная, мертвая тишина — ни людских голосов, ни шуршания ветра в замерзших черных ветвях, ни резких вороньих воплей. Словно сама природа замерла на вздохе...

Жидким молочным блеском переливался лед, впитывая в себя росчерки коньков, оставшиеся от любителей фигурного катания, и лишь у края пруда чернел узкий прямоугольник воды, отгороженный пластмассовыми передвижными перилами. Над водой едва заметно курился парок, и сонно дрейфовали по краям полыньи утки, оставшиеся на зиму.

Над противоположным берегом возвышался пряничным домиком двухэтажный ресторан с высокими круглыми окнами, и золотое сияние мягко лилось из них на снег, усиливаясь с наступающими сумерками. Изредка в окнах мелькали тени — в этот час, затерявшийся между бизнес-ланчем и ужином, посетителей почти не было.

Вокруг пруда были аллеи, которые никто не собирался расчищать, и на снегу вились слож-

ные узоры разнообразных следов и следков, временами смазанные полозьями санок.

Стояли и массивные лавки, утопленные в сугробы, — они были хороши для лета, сейчас же сидеть на них было невозможно.

Над полянкой с утками возвышалась обычная деревянная скамейка — вот на ней-то и сидел единственный посетитель парка.

Это был мужчина лет сорока в черном распахнутом пальто и ко всему прочему без головного убора, отчего уже заметная седина в его темных волосах вступала в молчаливый диалог со снежным пейзажем.

Правда, мороз был совсем небольшой, да и ни единого намека на ветер, так что окоченеть мужчина не мог, тем более что сидел на этой скамейке от силы полчаса.

Засунув руки в карманы, он смотрел на уток, плавающих в черной воде, — тем самым неподвижным, безучастным взглядом, который выдает глубокую задумчивость, полное отсутствие здесь и сейчас.

О чем уж думал этот странный посетитель парка — бог весть, его лицо не выражало ни радости, ни печали, ни озабоченной тревоги... Оно скорее напоминало маску.

Самым интересным было то, что мужчина появлялся здесь каждые выходные, в субботу или воскресенье (чаще в субботу, вот как сейчас), перед самыми сумерками.

Он садился на эту самую скамейку и в полной неподвижности сидел так минут сорок, глядя в никуда — вряд ли можно было заподозрить солидного господина в том, что он являлся сюда для того, чтобы специально глазеть на уток.

Свидетельством несомненной солидности незнакомца было его дорогое пальто, явно из кашемира, — того изящного и вместе с тем строгого кроя, которым отличаются изделия итальянской мужской моды, и то, что он совершенно не дорожил им. Человек победнее не стал бы сидеть на парковой скамейке в подобном пальто, он бы непременно постелил газетку или вовсе не стал бы садиться.

Во-вторых, из-под распахнутого пальто виднелся строгий темный костюм, который отличался теми же высокими характеристиками. Светлая рубашка, галстук, кашне, ботинки... Один раз Алена видела, как из рукава пальто мягко и многозначительно блеснуло что-то — явно запонка. Редко кто нынче пользуется запонками...

Словом, изучая издали подобные мелочи в старенький театральный бинокль, Алена сделала твердый вывод, что незнакомец принадлежит к руководящему составу. Это как офисная мебель в магазине — на ярлычках обычно указывается, для кого она предназначена, для руководителей или для обычного персонала. Так вот, данный объект незримо носил на себе ярлычок «руководителя».

Потом, опять же, стрижка... Всегда идеальная, всегда безукоризненная — волосок к волоску. Даже седина на висках выглядела как-то предсказуемо и логично, словно иначе и быть не могло.

И зачем такому господину понадобилось таскаться в этот парк, с какой такой целью он таранился на глупых уток в польные?.. Всегда один, всегда безупречный, всегда с одним и тем же неподвижным выражением лица... Словом, Алена терялась в догадках.

Заинтересовалась загадочным незнакомцем она в ноябре, когда опала вся листва и пространство перед прудом стало хорошо просматриваться. Именно тогда Алена обнаружила Его и ту регулярность, с которой Он появляется здесь.

Возможно, Он приходил в парк и раньше — но этого Алена уж не могла знать точно.

Хотя бы потому, что сама переехала в эту квартиру в начале апреля. Квартира была съемной и стоила довольно дорого — одним из доводов хозяина было то, что из окна открывается дивный вид на парк. А хороший вид нынче, как известно, уже стал платной категорией...

Алена перед этим доводом сдалась, тем более что до того она успела пожить в хрущевке с видом на китайское

общежитие. Вид из окна привлек ее чрезвычайно, ну как же — пруд, парк, небо!

Она переехала в эту квартиру, как уже говорилось, в начале апреля, когда только-только начали набухать почки на деревьях, когда по утрам стояла сиреневая дымка над темной водой и в раскрытую форточку лился свежий воздух, не отравленный выхлопными газами (трасса проходила далеко, с другой стороны дома, машин было не видно и не слышно).

А через неделю парк перегородили высокими деревянными щитами, окрашенными в синий цвет, в пруду спустили воду, зарычали экскаваторы и прочая техника, отравляя воздух дизельным чадом, звук забиваемых свай заглушил щебет птиц.

Это был полный кошмар, тем более что среди жильцов дома стали распространяться мрачные слухи о том, что вместо парка у них теперь будет паркинг и построят элитный дом, который перегородит все перед окнами.

Алена предъявила претензии своему квартиросдателю — и тот, повздыхав сокрушенно, согласился снизить квартирную плату. Ее это мало утешило, она даже стала подыскивать новое жилье, но потом странная апатия внезапно охватила ее.

Потому что ей вдруг стало все равно — где и как она живет, каким воздухом дышит и какой у нее вид за окном.

Странное ощущение, когда разом лишаешься всех чувств и когда цвета, запахи и звуки перестают замечаться, когда ничего не хочешь и даже рассердиться как следует — тоже не можешь.

Впрочем, в этом состоянии была своя прелесть — теперь мало что трогало Алену, и даже новая работа, прежде казавшаяся ненужной и смешной, теперь стала устраивать ее.

Возможно, это ее состояние началось гораздо раньше, чуть больше года назад, когда она развелась с Алешей и переехала в ту самую хрущобу по соседству с китайским общежитием.

Одновременно с разводом она бросила исполнительскую деятельность и ушла в «Синематеку» — ресторан неподалеку от «Баррикадной», специализирующийся на русской кухне, с собственной пивоварней и тем известный среди гурманов.

Все ее знакомые были в шоке, родители слали негодующие телеграммы, а близкая подруга Серафима даже плакала: «Аленушка, ты же консерваторка, ты в концертных залах выступала, а теперь ты кто?..» «Теперь она — тапер! — язвительно восклицала Люба, другая близкая подруга. — Кому и чего ты хочешь доказать, Елена Петровна, а?..»

Но Алена только плечами в ответ пожимала.

Она, действительно окончившая Консерваторию и выступавшая с фортепианными концертами по всей стране, ушла в ресторан и «играла перед пьяной публикой» (выражение Симы).

От прежней жизни остался только старинный рояль «Шредер» и афиши, упоминающие о том, что там-то и в такое-то время «состоится сольные выступления пианистки Елены Лозинской, в программе — Шопен, Лист, Брамс и т. д.».

Ресторатор Иван Халатов, владелец «Синематеки», сразу же взял ее к себе, хотя сразу же и предупредил: он немного сомневается в том, что у Алены что-то получится — «потому что, вы сами же понимаете, Елена Петровна, это совсем другой уровень! Я не собираюсь рассуждать о высоком искусстве, но перед музыкантом, выступающим в ресторане, стоят совершенно иные задачи!» Но уж очень хотелось Халатову заполучить в свое заведение настоящую музыкантшу именно такого высокого уровня...

Впрочем, задачи оказались Алене по плечу — на полуметровой сцене она сидела за роялем и импровизировала, пока в глубине, на небольшом экране, шел черно-белый немой фильм с дрожащими титрами (недаром ресторан назывался «Синематека»). Импровизировала Алена довольно лихо и всегда к месту, умудряясь очень забавно

и точно с помощью музыки подчеркнуть происходящее на экране, так что Халатов весьма скоро перестал беспокоиться, что она отобьет аппетит у жующей публики своей классической манерой.

На собственную квартиру Алена так и не смогла скопить денег, вечно скиталась по чужим углам и лишь те четыре года, когда она была Алешиной женой, провела в «своем» доме — до того самого дня, пока муж не сказал Алене, что больше не хочет жить с ней. Почему не хочет, отчего — она выяснять не стала, съехала сразу же, захватив с собой свой верный «Шредер».

На квадратные метры мужа Алена, «гордая идиотка» (выражение исходящей слезами сочувствия Симы), претендовать не стала.

Ха-ха, знала бы о всей этой истории Калерия Львовна Бугрова, мама Бориса — первой Алениной любви! Калерия Львовна ненавидела Алену и ежедневно твердила Борису о том, что «этой нахалке нужна московская прописка, а вовсе не ты, дурак». Или — «она тебя на себе жернит, а потом твою жилплощадь захапает!»

Алена была родом из крохотного городишки под Тулой, там до сих пор жили ее родители. В городке было скучно и тоскливо — как в смертный час. Сколько Алена себя помнила, она всегда мечтала жить в Москве. Только, разумеется, не с помощью брачной аферы! Она училась, потом ездила с концертами в надежде скопить денег — но, к сожалению, цены на недвижимость в столице росли быстрее, чем ее гонорары.

Работа в ресторане не отнимала много сил — всего лишь три дня в неделю, вечером. Пятница, суббота, воскресенье. Четыре дня отдыха. Потом снова — пятница, суббота, воскресенье...

...Все лето за окном гудела строительная техника.

Потом, в сентябре, ко Дню города, синие щиты сняли, и неожиданно оказалось, что никаких особых разрушений парк не претерпел. Пруд почистили и облагоро-

дили, уложили дорожки камнем, понаставили везде оградок и урн футуристической конструкции, там и сям расположили фонари, повесили на них кашпо с выющимися цветочками, привезли особенные лавки, которые даже слон с места не смог бы сдвинуть (дабы охочие до чужой собственности дачники не уташили их). Венчал всю эту красоту веселый двухэтажный домик над прудом, который на деле оказался никаким не элитным жильем, а обыкновенным рестораном — собственно, всю эту красоту вокруг навели его владельцы. Ходили, правда, слухи, что они не имели права его тут строить, но на радостях от того, что островок зелени не стали превращать в автостоянку, никто особо возмущаться не стал.

Ко всему прочему поставили возле пруда небольшую будку, а в нее посадили охранника, который наблюдал за порядком и гонял компании любителей пива, — тут уж последние скептики замолчали...

Алена специально ходила к администратору нового ресторана, с тем чтобы узнать — не требуется ли им тапер (кто не мечтает, чтобы от дома до работы — всего пять минут пешком!). Тапер им был нужен, но платить обещали много меньше, чем Алена получала у Халатова. В общем, она почти согласилась на их условия, но тут неожиданно примчался коварный владелец квартиры и вновь потребовал доплаты «за прекрасный вид из окна». Пришлось Алене остаться в «Синематеке».

И вот, как уже упоминалось, Алена с ноября стала наблюдать за своим незнакомцем в парке. Сначала от нечего делать, а потом увлеклась и даже позволила себе разглядывать его стриженный затылок (обычно он сидел спиной к Лениным окнам или вполоборота) в театральный бинокль. Правда, бинокль был плоховат и показывал лишь немногим лучше, чем можно было разглядеть невооруженным глазом...

Тем не менее Алена сумела достаточно хорошо изучить проходящего в парк мужчину — для того, чтобы сделать кое-какие выводы о Нем. И не то чтобы Он ей

особенно нравился, и не то чтобы она, одинокая женщина, мечтала о новом знакомстве... Вовсе нет. Ее притягивала тайна, неразгаданность ситуации. Ее даже не волновало, кто Он, Алена искала всего лишь зацепку, которая помогла бы разгадать эту тайну.

Она стояла у окна и сосредоточенно крутила колесико бинокля — силуэт незнакомца уже стал теряться в сумерках.

— Ишь ты... — сурово прошептала она. — И как он только не мерзнет?..

Словно в ответ ей мигнули и вспыхнули фонари во круг замерзшего пруда. В то же самое время мужчина встал и решительным шагом направился к той дорожке, которая вела к оживленной улице.

Почти одновременно на лед выскочили стайкой любители фигурного катания, потом на аллее появились мамы с колясками и старуха из соседнего подъезда, которая выгуливала дряхлую таксу, вечно застревавшую в снегу.

С Его уходом все словно пришло в движение, заиграло огнями, закружилось... Даже утки в полынье как будто стали плавать быстрее.

Половина пятого.

К восьми она должна быть в «Синематеке».

Раньше перед концертными выступлениями Алена непременно проигрывала самые трудные моменты своей программы. Она и теперь не изменила своим правилам, зная, что без разминки играть перед публикой будет трудно — и не важно, слушают ее или жуют...

Алена любила упражнения Брамса — за то, что были красивы и очень хорошо придуманы. Они представляли собой что-то вроде гигантских шагов пальцами по всей клавиатуре — специфическая разновидность фортепианной техники.

Формальных гамм она терпеть не могла. После Брамса взяла тему из Гайдна и проиграла ее сначала в медленном темпе, громко, затем сделала все то же самое легко и

быстро — во всех разновидностях, вплоть до хроматических, и еще арпеджио...

На этом закончила разминку и отправилась на кухню — пить чай.

Кухня здесь была роскошная, поскольку от прежних хозяев осталась вся встроенная техника. Плита с особенными конфорками, очень удобные выдвижные ящички, микроволновка, гриль, вместительный холодильник, даже посудомоечная машина, которой Алена пользовалась всего несколько раз, когда к ней заходили гости. А так... Одну чашку можно сполоснуть и руками. Но жук — квартирный хозяин — все равно требовал за весь этот комфорт лишних денег.

Алена знала, что было у жука (а был тот черным, низеньким, круглым — и в самом деле жук!) еще несколько квартир, которые он сдавал.

Данную жилплощадь он приобрел год назад — прежние хозяева съехали — и сразу же заселил в нее Алену, купившись на ее концертное прошлое. Он считал себя меломаном и в каждый свой приход за ежемесячным взносом долго и подробно рассуждал на музыкальные темы — почему, например, он итальянской опере предпочитает немецкую...

Иногда Алена натыкалась на вещи, оставленные прежними хозяевами. Нашла, например, множество детективов, спрятанных в самых неожиданных местах, даже за батареями, и честно их все прочитала, получив немалое удовольствие. Раньше у нее не было времени на это. Обнаружила в одном из ящичков коробочку с засохшим индийским шербетом. Кожаную ключницу без ключей. Под ванной — скомканную футболку с надписью «I want to believe»...

Однажды Алена спросила жука, кто здесь жил раньше. Но тот ответил, что не знает. Квартиру он покупал через агентство, а там подобные сведения не принято разглашать...

Она допила чай и быстро оделась — джинсы, свитер, короткая дубленка с капюшоном.

Час пик в метро только начинался, но, к ее счастью, вагон в центр был относительно пуст, потому что вечером толпа обычно валила из центра на окраины.

Обычно дорога занимала у нее около часа.

Алена ехала и тайком рассматривала людей, придумывая о каждом, кто цеплял ее внимание, свою историю. Попадали эти фантазии в точку или нет — неизвестно... Вот эта девушка, например, поссорилась со своим молодым человеком. Разговаривает с подружкой, а сама отводит несчастные глаза и время от времени покусывает нижнюю губу. Вон тот дядька в пыжиковой шапке — женат, и причем женат давно. У него взрослые дети. В семье он царь и бог. Вокруг него домашние водят хороводы, а жена умиленно сдувает с него каждую пылинку — такой он весь чистый, отмытый, ухоженный и лоснящийся. Только он, гад, всего этого не ценит, потому что в данный момент весьма недвусмысленно таращится на Алену, перекладывая из одной руки в другую хороший кожаный портфель... Ну да, специально ловит ее взгляд, чтобы познакомиться!

Алена презрительно фыркнула и отвернулась к вагонному стеклу, всем своим видом показывая, что знакомиться ни с кем не собирается.

Потом поймала себя на мысли — раньше она ничем подобным не занималась. Не читала детективов, не стояла часами у окна, не придумывала истории о прохожих. Она была другой, а теперь словно погружалась в мир фантазий, удаляясь от мира реального. Все то, что окружало ее, медленно теряло смысл — Алена даже решила, что постепенно превращается в призрак, растворяется в воздухе, перестает быть *живой*... Сейчас ее еще замечают, а потом — все, никто не повернет голову в ее сторону.

...Она поздоровалась с охранником и быстро, прямо через зал, прошла в примерку. Там переоделась — темно-синее длинное платье, черные лодочки.

Стоя перед зеркалом, заколола свои темные, довольно длинные волосы вверх — в строгий пучок, аккуратно

закрепила на макушке микроскопическую шляпку с вуалью в мушках, которая слегка прикрывала лоб. Потом нанесла тон на лицо — густо-белый, неестественный. Темно-вишневая помада, густые тени у глаз... Девушка в стиле декаданса — именно такого имиджа требовал от нее Халатов.

Вышла на сцену — и сразу почувствовала всей кожей оживление в зале. На экране сбоку задрожали титры — «Роковая любовь». Киностудия Ханжонкова, дата... Господи, сто лет с тех пор прошло!

Поглядывая искоса на экран, Алена заиграла браурную, игривую мелодию — поскольку первые кадры начинались с праздника.

В полутемном зале ресторана стоял непрерывный гул — люди разговаривали, гремели тарелками, сновали между столиками официанты... Это была полностью идея Халатова — показывать старые фильмы, имитируя атмосферу начала двадцатого века. Времена Гиляровского и купеческого разгула, всеобщего обжорства и утонченного эстетства. Интерьер с самоварами, бочонки с пивом, меню, напечатанное в дореволюционной орфографии...

За ближайшими к сцене столиками уже смотрели на экран. Посмеивались, комментировали сюжет и чрезмерные старания актеров, давным-давно умерших. Алена тоже старалась играть с некоторой чрезмерностью, и музыка, выходявшая из-под ее пальцев, полностью соответствовала страстям столетней давности. Это оказалось даже забавно...

Фильмы были короткими — один сменял другой, и после каждого ей хлопали.

К десяти публика уже разгорячилась, голоса и смех стали громче. Это была так называемая *приличная* публика — и тем заведение Халатова ценилось. Сюда в основном ходили парами, иногда устраивали корпоративные вечеринки, любили заглядывать иностранцы, и, разумеется, никто не кидал на сцену денег с требованием «сбавить «Мурку»».